

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-70-74

КИРИЛЛОВА Татьяна Константиновна,
профессор, доктор юридических наук, профессор
кафедры гражданского права Санкт-Петербургского
государственного университета аэрокосмического
приборостроения,
e-mail: tania.kirillova.gmail.com@yandex.ru

ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье исследуются теоретические и практические аспекты реализации права на образование в условиях реформирования отечественной системы высшего образования. Проводится разграничение понятий «право на образование» как субъективного права личности и «образовательное право» как самостоятельной отрасли законодательства. Анализируются положения Всеобщей декларации прав человека, Конституции Российской Федерации и Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в части гарантий доступности и качества высшего образования. Особое внимание уделяется процессу выхода России из Болонской системы и формированию суверенной национальной модели высшего образования: рассматриваются нормативные правовые акты, определяющие архитектуру новой образовательной системы и её ценностные основания. В статье выявляются ключевые проблемы современной высшей школы: разрыв между академической подготовкой и требованиями профессиональной среды, институциональная разобщённость образовательных организаций и работодателей, а также кризис профессиональной идентичности студенческой молодёжи. На основе проведённого анализа предлагаются меры правового и организационного характера, направленные на преодоление указанных проблем, в том числе закрепление практико-ориентированных форм обучения, нормативное регулирование партнёрства вузов с профессиональным сообществом и развитие института наставничества как инструмента профессионального самоопределения обучающихся.

Ключевые слова: право на образование, реформа образования, высшее образование, преподавание, Болонская система, Конституция Российской Федерации.

KIRILLOVA Tatyana Konstantinovna,
professor, doctor of Law, professor at the Department of Civil Law,
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

THE RIGHT TO EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE REFORM OF THE HIGHER EDUCATION SYSTEM

Annotation. The article examines the theoretical and practical aspects of the realization of the right to education in the context of the reform of the domestic higher education system. A distinction is made between the concepts of «the right to education» as a subjective right of an individual and «educational law» as an independent branch of legislation. The article analyzes the provisions of the Universal Declaration of Human Rights, the Constitution of the Russian Federation and Federal Law № 273-FZ dated 29.12.2012 «On Education in the Russian Federation» in terms of guarantees of accessibility and quality of higher education. Special attention is paid to the process of Russia's withdrawal from the Bologna system and the formation of a sovereign national model of higher education: regulatory legal acts defining the architecture of the new educational system and its value bases are considered. The article identifies the key problems of modern higher education: the gap between academic training and the requirements of the professional environment, the institutional separation of educational organizations and employers, as well as the crisis of professional identity of students. Based on the analysis, legal and organizational measures are proposed aimed at overcoming these problems, including the consolidation of practice-oriented forms of education,

the regulatory regulation of universities' partnership with the professional community and the development of the institute of mentoring as a tool for professional self-determination of students.

Key words: *the right to education, education reform, higher education, teaching, the Bologna system, the Constitution of the Russian Federation.*

В повседневной практике понятия «право на образование» и «образовательное право» нередко смешиваются или употребляются как синонимы. В то же время это принципиально разные категории, каждая из которых занимает своё место в системе юридического знания. Разграничение между ними необходимо для грамотного понимания всей правовой логики образовательной сферы. Право на образование представляет собой субъективное право личности, то есть гарантированную государством и международным сообществом возможность каждого человека получать знания, развивать свои способности и участвовать в образовательном процессе. Оно относится к категории фундаментальных прав второго поколения – социально-экономических прав – и закреплено в важнейших международных документах: Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (статья 26), Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (статья 13), Конвенции о правах ребёнка 1989 г. (статья 28), а также в национальных конституциях большинства государств мира. В России это право гарантировано статьёй 43 Конституции Российской Федерации.

Анализируя ст. 26 Всеобщей декларации прав человека, можно прийти к выводу о том, что право на образование – одно из фундаментальных прав человека, носящее универсальный и неотчуждаемый характер. Принципиально важно, что данная правовая норма устанавливает систему гарантий доступности образования в зависимости от его уровня. Начальное образование должно быть не только бесплатным, но и обязательным – государство тем самым принимает на себя активную обязанность обеспечить его реализацию, а не просто декларирует возможность. Техническое и профессиональное образование должно быть общедоступным, тогда как высшее – доступным исключительно на основе способностей каждого.

Образование рассматривается как инструмент всестороннего развития личности, формирования культуры уважения к правам человека и основным свободам. Особого внимания заслуживает тезис о том, что образование должно активно содействовать взаимопониманию и терпимости между народами и религиозными группами, выступая тем самым одним из ключевых механизмов поддержания международного мира. Это положение свидетельствует о том, что образование воспринимается не как частное благо, а как обще-

ственная функция государства и цивилизации в целом.

Статья 43 Конституции Российской Федерации закрепляет право на образование как фундаментальное социальное право, носящее всеобщий и безусловный характер: каждый человек вправе получить образование вне зависимости от его гражданства, происхождения, имущественного положения или иных обстоятельств. При этом законодатель чётко разграничивает объём государственных гарантий в зависимости от уровня образования: дошкольное, основное общее и среднее профессиональное образование государство обязано обеспечить каждому желающему абсолютно бесплатно и без каких-либо условий отбора через государственные и муниципальные учреждения, тогда как высшее образование, хотя и может быть получено бесплатно, но уже в условиях конкурса, то есть государство гарантирует не само его получение, а лишь равные и справедливые условия доступа к ограниченному числу бюджетных мест. Такая конструкция нормы отражает продуманную правовую логику: чем выше ступень образовательной системы, тем более дифференцированным становится механизм публичной гарантии, однако само право на образование во всех его формах остаётся неотъемлемым и не может быть произвольно ограничено.

Содержание данного права многомерно. Оно включает в себя доступность образования (устранение финансовых, географических и иных барьеров), его обязательность на базовом уровне, приемлемость (соответствие стандартам качества), адаптируемость к потребностям обучающегося, а также свободу выбора образовательного учреждения. Право на образование – это прежде всего правопритязание индивида к государству: человек вправе требовать создания условий, при которых реализация этого права становится реальной, а не декларативной.

Образовательное право – понятие совершенно иного порядка. Это отрасль законодательства, представляющая собой систему юридических норм, регулирующих общественные отношения в сфере образования. Оно охватывает широкий круг вопросов: организацию системы образования, статус учреждений и участников образовательного процесса, стандарты и программы, финансирование, управление, ответственность сторон и многое другое. Иными словами, если право на образование отвечает на вопрос «Что человек

вправе получить?», то образовательное право отвечает на вопрос «Как устроен правовой механизм, обеспечивающий функционирование всей системы образования?».

В России ключевыми источниками образовательного права служат Конституция Российской Федерации и Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», который систематизировал обширный массив норм, прежде рассредоточенных по множеству нормативных актов. Наряду с ними действуют подзаконные и ведомственные нормативные правовые акты, региональное законодательство, локальные акты образовательных организаций – всё это образует многоуровневую нормативную правовую систему.

Исходя из этого, соотношение анализируемых понятий можно описать следующим образом: право на образование – это ядро, ценностный фундамент, индивидуальное правомочие; образовательное право – это инструментальный, правовая архитектура, призванная это ядро защитить и воплотить в жизнь. Одно без другого лишается смысла: субъективное право без правовой системы остаётся пустой декларацией, а законодательство в сфере образования без ориентации на права человека превращается в бездушный административный механизм. Именно в их единстве и взаимообусловленности формируется то, что можно назвать подлинной правовой культурой образования.

Согласно статистическим данным, представленным в Докладе о реализации государственной политики в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования за 2025 год, российская система высшего образования функционирует на основе многоуровневой структуры, включающей 751 образовательную организацию. Федеральные вузы составляют 60% всех организаций (456 учреждений), тогда как субъектные и муниципальные представлены незначительно – лишь 39 учреждениями (5,19%), обеспечивающими привязку образования к локальным потребностям. Частный сегмент, включающий 256 образовательных организаций, составляет 34,09% от общего числа организаций высшего образования, что свидетельствует о значимой роли частных образовательных организаций в обеспечении образовательных потребностей населения страны. Из этого следует, что в системе современного высшего образования государство сохраняет стратегический контроль через федеральные учреждения, допуская при этом функционирование частных организаций в сфере высшего образования (рис. 1).

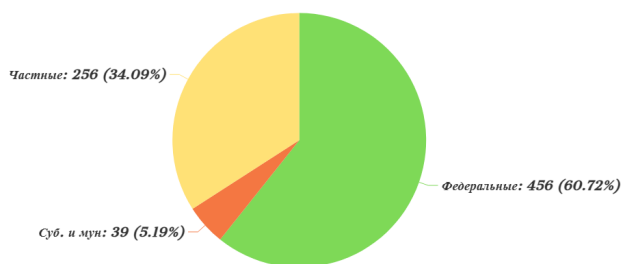

Рис. 1. Количество организаций в системе высшего образования на начало 2025/2026 учебного года

Образовательный процесс постоянно развивается и подвергается комплексным реформам. Н.В. Харина выделяет несколько стратегических направлений, определяющих развитие высшей школы. Прежде всего, необходимо обеспечить высокий уровень подготовки специалистов и эффективное институциональное управление. Помимо этого, гарантировать равные образовательные возможности для всех граждан вне зависимости от их материального положения и места жительства. Параллельно ставится задача структурной модернизации образования в соответствии с запросами инновационной экономики, а также формирования полноценной системы непрерывного профессионального развития. Совокупность этих приоритетов отражает стремление выстроить социально ориентированную и конкурентоспособную образовательную среду, способную отвечать на вызовы современности [4, с. 9].

Реформирование российской системы высшего образования обусловлено комплексом факторов, среди которых особое место занимают как внешние вызовы, так и внутренние потребности самой образовательной среды. Так, например, Т.К. Кириллова и О.С. Великая отмечают, что пандемия COVID-19 стала одним из наиболее действенных факторов структурных изменений: вынужденный переход к дистанционным форматам обучения в кратчайшие сроки позволил внедрить современные цифровые технологии в образовательный процесс. Применение инструментов дистанционного обучения позволило сохранить непрерывность образовательного процесса и расширить академическую мобильность студентов, открыв доступ к образовательным ресурсам вне зависимости от местоположения участников образовательного процесса [1, с. 61].

Вместе с тем авторы отмечают, что опыт массового применения дистанционных технологий выявил ряд системных противоречий, требующих системного регулирования. Снижение мотивации обучающихся, ослабление живого взаимодействия внутри студенческой среды и сокраще-

ние качественной обратной связи между преподавателем и студентом свидетельствуют о том, что цифровизация сама по себе не является универсальным решением. Реформирование отечественной системы образования приобретает сбалансированный характер, направленный на сочетание преимуществ цифровых инструментов с сохранением ключевых функций живого педагогического взаимодействия [2, с. 340-341].

Интеграция российской высшей школы в Болонскую систему в 2003 году с первых же шагов столкнулась с критикой как со стороны академического сообщества, так и со стороны профильных чиновников, воспринимавших это не как органичное развитие, а как навязанную извне реформу системы образования, противоречащую сложившимся традициям подготовки специалистов. Д.В. Кротов, П.С. Самыгин и С.И. Самыгин справедливо отмечают, что адаптация к европейским образовательным стандартам в России осуществлялась принципиально иначе, чем в западноевропейских странах. Российская высшая школа несла в себе глубокий отпечаток советской образовательной модели с её уникальной логикой организации учебного процесса, дисциплиной и профессиональными установками преподавательского состава [3, с. 159-160]. Именно это отличие сделало российский переход более болезненным, чем переход в западноевропейских странах. Одной из основных целей реформы было формирование специалистов, открытых к глобальному рынку труда, и интеграция в общеевропейскую культурно-образовательную среду.

Возрастающее обострение отношений России с западным миром свело к минимуму значительную часть декларируемых преимуществ интеграции в европейскую образовательную систему. Сегодня рассматриваемые геополитические преобразования служат весомым аргументом в пользу переориентации отечественной высшей школы в пользу её самодостаточности. В 2022 году Россия приостановила участие в Болонском процессе, и перед государством встала задача принципиально иного масштаба – выстроить суверенную модель высшего образования, способную самостоятельно обеспечивать потребности экономики в квалифицированных специалистах и служить опорой национальной безопасности.

В мае 2023 года российская система высшего образования получила новый импульс законодательного развития. Президент Российской Федерации подписал Указ от 12.05.2023 № 343 (ред. от 22.01.2026) «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» (далее – Указ), устанавливающий порядок и сроки реструктуризации системы высшего образования.

Согласно положениям Указа, высшее образование будет подразделяться на два уровня – базовый и специализированный. Первый рассчитан на срок от четырёх до шести лет и призван обеспечить фундаментальную профессиональную подготовку. Второй уровень предполагает обучение от одного до трёх лет в зависимости от конкретной специальности, отрасли или требуемой квалификации. Аспирантура при этом выделена отдельно и определена как отдельный уровень профессионального образования, что подчёркивает её особый исследовательский статус.

Помимо этого, распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.08.2024 № 2233-р была утверждена «Стратегия реализации молодёжной политики на период до 2030 года» (далее – Стратегия), направленная на формирование у студенческой молодёжи устойчивых гражданских и патриотических установок, опирающихся на достоверное историческое знание. Стоит отметить, что Стратегия также устанавливает необходимость создания реально действующих механизмов участия молодых граждан в правотворческой и правоохранительной деятельности, встроив их в образовательный процесс. Данный подход свидетельствует о последовательном реформировании системы высшего образования с учетом государственной молодёжной политики, реализуемой на системной правовой основе.

Однако, несмотря на происходящие изменения в системе высшего образования, необходимо отметить ряд проблем, с которыми сталкиваются обучающиеся. Во-первых, разрыв между академической подготовкой и реальной профессиональной средой. Студенты получают преимущественно теоретические знания, тогда как практическое погружение в профессию остается фрагментарным, что создает определенные сложности для студентов при первом столкновении с рабочими задачами и коллективом. Во-вторых, институциональная разобщённость между образовательными организациями и работодателями. Несмотря на декларируемый курс партнерства образовательных организаций и работодателей, реальные механизмы взаимодействия вузов с профессиональным сообществом в ряде случаев носят эпизодический характер и лишены устойчивой правовой и организационной основы. В-третьих, кризис профессиональной идентичности, характерный для значительной части студенческой молодёжи. Данное явление выражается в размытости ценностных ориентиров, неопределенности карьерных траекторий и низкой мотивации к освоению профессиональных компетенций.

Решение обозначенных проблем требует принятия комплексных правовых и организацион-

ных мер со стороны государства, образовательных организаций и профессионального сообщества. Разрыв между теоретической подготовкой и практической профессиональной деятельностью может быть сокращён путём законодательной регламентации обязательной доли практико-ориентированных форм обучения в федеральных государственных образовательных стандартах, а также увеличения доли целевого обучения с гарантированным трудоустройством, что создаст для студентов реальную точку соприкосновения с будущей профессией ещё в период обучения. Устранение институциональной разобщённости между вузами и работодателями предполагает закрепление на уровне федерального законодательства устойчивых форм социального партнёрства, таких как увеличение доли заключаемых долгосрочных договоров о сотрудничестве, участие представителей профессиональных сообществ в разработке и актуализации образовательных программ, а также совместное формирование оценочных материалов и государственных экзаменационных комиссий. Также для преодоления кризиса профессиональной идентичности студенческой молодёжи необходимо включить в образовательные программы дисциплины, направленные на формирование карьерных ориентиров и профессиональной этики, а также наставнические программы, способствующие осознанному выстраиванию профессионального пути. Реализация предложенных мер будет способствовать устранению существующих проблем, а также переходу к суверенной модели высшего образования, отвечающей потребностям современного рынка труда.

Список литературы:

[1] Кириллова Т.К., Великая О.С. Правовое регулирование дистанционного формата обучения в системе высшего образования Российской Федерации // Закон. Право. Государство. – 2023. –

№ 1 (37). – С. 61-64.

[2] Кириллова Т.К., Великая О.С. Опыт массового использования дистанционного образования в Российской Федерации на начальном этапе пандемии COVID-19 // Ученые записки крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). – № 4. – С. 340-344.

[3] Кротов Д.В., Самыгин П.С., Самыгин С.И. Реформа отечественной системы высшего образования в контексте стратегии укрепления национальной безопасности Российской Федерации // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13. – № 3 (67). – С. 152-165.

[4] Харина Н.В. Профессиональное образование в России: проблемы, пути решения // Научно-педагогическое обозрение. – 2013. – № 1. – С. 8-15.

References:

[1] Kirillova T.K., Velikaya O.S. Legal regulation of the distance learning format in the higher education system of the Russian Federation // The law. Right. The State. – 2023. – № 1 (37). – P. 61-64.

[2] Kirillova T.K., Velikaya O.S. The experience of mass use of distance education in the Russian Federation at the initial stage of the COVID-19 pandemic // Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. – 2022. – Т. 8 (74). – № 4. – P. 340-344.

[3] Krotov D.V., Samygin P.S., Samygin S.I. Reform of the national system of higher education in the context of the strategy for strengthening national security of the Russian Federation // Humanities of the South of Russia. – 2024. – Т. 13. – № 3 (67). – P. 152-165.

[4] Kharina N.V. Vocational education in Russia: problems, solutions // Scientific and pedagogical review. – 2013. – № 1. – P. 8-15.

